

Александра Семёновича Кушнера знают все, а много ли у нас поэтов-современников, которых знают все? Если сказать о нём в трёх словах, то это, думаю, будут жизнь, традиция и Петербург. Вполне достаточно для краткого предисловия, и – давайте читать стихи.

Д. Л.

ПЕТЕРБУРГСКИЕ РЕКИ

Вижу, вижу спозаранку
Устремленные в Неву
И Обводный, и Фонтанку,
И похожую на склянку
Речку Кронверку во рву.

И каналов без уздечки
Вижу утреннюю прыть,
Их названья на дощечке,
И смертельной Чёрной речки
Ускользящую нить.

Слышу, слышу вздох неловкий,
Плач по жизни прожитой,
Вижу Екатерингофки
Блики, отблески, подковки
Жирный отсвет нефтяной.

Вижу серого оттенка
Мойку, женщину и зонт,
Крюков, лезущий на стенку,
Пряжку, Карповку, Смоленку,
Стикс, Коцит и Ахеронт.

* * *

Танцует тот, кто не танцует,
Ножом по рюмочке стучит.
Гарцует тот, кто не гарцует,
С трибуны машет и кричит.

А кто танцует в самом деле
И кто гарцует на коне,
Тем эти пляски надоели,
А эти лошади – вдвойне.

* * *

Конверт какой-то странный, странный,
Как-будто даже самодельный,
И штемпель смазанный, туманный,
С пометкой давности недельной,
И марка странная, пустая,
Размытый образ захолустья:
Ни президента Уругвая,
Ни Темзы, – так, какой-то кустик.

И буква к букве так теснятся,
Что почерк явно засекречен.
Внизу, как можно догадаться,
Обратный адрес не помечен.
Тихонько рву конверт по краю
И на листе бумаги плотном
С трудом по-русски разбираю
Слова в смятенье безотчётном.

«Мы здесь собрались кругом тесным
Тебя заверить в знак вниманья
В размытом нашем, повсеместном,
Ослабленном существованье.
Когда ночами (бред какой-то!)
Воюет ветер с тёмным садом,
О всех не скажем, но с тобой-то,
Молчи, не вздрагивай, мы рядом.

Не спи же, вглядывайся зорче,

Нас различай поодиночке».
И дальше почерк неразборчив,
Я пропускаю две-три строчки.
«Прощай! Чернила наши блёклы,
А почта наша ненадёжна,
И так в саду листва намокла,
Что шага сделать невозможно».

* * *

Придёшь домой, шурша плащом,
Стирая дождь со щёк:
Таинственна ли жизнь ещё?
Таинственна ещё.

Не надо призраков, теней:
Темна и без того.
Ах, проза в ней ещё странней,
Таинственной всего.

Мне дорог жизни крупный план,
Неровности, озноб
И в ней увиденный изъян,
Как в сильный микроскоп.

Биолог скажет, винт кружа,
Что взгляда не отвести.
– Не знаю, есть ли в нас душа,
Но в клетке, – скажет, – есть.

И он тем более смущён,
Что в тайну посвящён.
Ну, значит, можно жить ещё.
Таинственна ещё.

Придёшь домой, рука в мелу,
Как будто подпирал
И эту ночь, и эту мглу,
И каменный портал.

Нас учат мрамор и гранит
Не поминать обид,

Но помнить, как листва летит
К ногам кариатид.

Как мир качается – держись!
Уж не листву ль со щёк
Смахнуть решили, сделав жизнь
Таинственной ещё?

* * *

Сентябрь выметает широкой метлой
Жучков, паучков с паутиной сквозной,
Истёрзанных бабочек, ссохшихся ос,
На сломанных крыльях разбитых стрекоз,
Их круглые линзы, бинокли, очки,
Чешуйки, распорки, густую пыльцу,
Их усики, лапки, зацепки, крючки,
Оборки, которые были к лицу.

Сентябрь выметает широкой метлой
Хитиновый мусор, наряд кружевной,
Как если б директор балетных теплиц
Очнулся - и сдунул своих танцовщиц.
Сентябрь выметает метлой со двора
За поле, за речку и дальше, во тьму,
Манжеты, застёжки, плащи, веера,
Надежды на счастье, батист, бахрому.

Прощай, моя радость! До кладбища ос,
До свалки жуков, до погоста слепней,
До царства Плутона, до высохших слёз,
До блёклых, в цветах, элизийских полей!

* * *

Я список кораблей прочел до середины...
О. Мандельштам

Мы останавливали с тобой
Каретоподобный кэб
И мчались по Лондону, хвост трубой,
Здравствуй, здравствуй, чужой вертеп!

И сорили такими словами, как
Оксфорд-стрит и Трафальгар-сквер,
Нашей юности, канувшей в снег и мрак,
Подавая плохой пример.

Твой английский слаб, мой французский плох.
За кого принимал шофёр
Нас? Как если бы вырицкий чертополох
На домашний ступил ковёр.

Или розовый сиверский иван-чай
Вброд лесной перешёл ручей.
Но сверх счетчика фунт я давал на чай –
И шофер говорил: "О'кей!"

Потому что, наверное, сорок лет
Нам внушали среди наших бед,
Что бессмертия нет, утешенья нет,
А уж Англии, точно, нет.

Но сверкнули мне волны чужих морей,
И другой разговор пошёл..
Не за то ли, что список я кораблей,
Мальчик, вслух до конца прочел?

* * *

Разве можно после Пастернака
Написать о ёлке новогодней?
Можно, можно! – звезды мне из мрака
Говорят, – вот именно сегодня.

Он писал при Ироде: верблюды
Из картона, – клей и позолота, –
В тех стихах евангельское чудо
Превращали в комнатное что-то.

И волхвы, возможные напасти
Обманув, на валенки сапожки
Обменяв, как бы советской власти
Противостояли на порожке.

А сегодня ёлка - это ёлка,
И её нам, маленькую, жалко.
Веточка, колючая, как чёлка,
Лезет в глаз, – шалунья ты, нахалка!

Нет ли Бога, есть ли Он, – узнаем,
Умерев, у Гоголя, у Канта,
У любого встречного, – за краем.
Нас устроят оба варианта.

СТРЕКОЗА

Долго руку держала в руке
И, как в давние дни, не хотела
Отпускать на ночном сквозняке
Его лёгкую душу и тело.

И шепнул он ей, глядя в глаза:
Если жизнь существует иная,
Я подам тебе знак: стрекоза
Постучится в окно золотая.

Умер он через несколько дней.
В хладном августе реют стрекозы
Там, где в пух превратился кипрей, –
И на них она смотрит сквозь слёзы.

И до позднего часа окно
Оставляет нарочно открытым.
Стрекоза не влетает. Темно.
Не стучится с загробным визитом.

Значит, нет ничего. И смотреть
Нет на звезды горячего смысла.
Хорошо бы и ей умереть.
Только сны и абстрактные числа.

Но звонок разбудил в два часа –
И в мобильную лёгкую трубку
Чей-то голос сказал: «Стрекоза»,
Как сквозь тряпку сказал или губку.

Я-то думаю: он попросил
Перед смертью надёжного друга,
Тот набрался отваги и сил:
Не такая большая услуга.